

Нерешенное уравнение русской чернухи

... Я представляю себе уравнение со всеми неизвестными, но с известным ответом. В проставленные троеточия я должна вписать некие цифры и буквы и понять, почему получился такой немалый результат. Почему имя драматурга Николая Коляды не сходит с афиш, почему он так репертуарен и режиссерами любим, при том что критики его новым Беккетом никак признать не торопятся?

НАЧЕМ с простейшего - лошади едят овес и сено, дважды два - четыре, Н. Коляда - пишет пьесы. О чем он пишет пьесы? Будете смеяться, но он пишет о жизни и о любви. Иногда еще и о смерти. Смерть приходит, соответственно, от жизни и любви. Даже неловко все это перечислять, ей-богу. Вы, наверное, и без меня все это знаете. Попробуем углубиться. О чем же еще? О том, что человек несчастен, но любовь его возвышает, хотя при этом счастлив он не становится, а все равно умирает ("Рогатка", где инвалид-пьяница питает взаимную любовь к красавцу-юноше, "Фарс только для взрослых", где алкоголичка, убивающая током собак, любит мифического возлюбленного, а потом током убивает себя, а возлюбленный возьми да и приди). О том, что все люди одиноки, хотя по сути - братья или даже сестры ("Шерочка с машерочкой"). О том, что можно быть грязным опущенцем, лишним человеком и подонком, но не потерять в душе что-то абстрактно человеческое ("Полонез Огинского"). Вам стало интересней и познавательней?

Или, может быть, я придираюсь? Может быть, вдумчивый зритель вынесет какие-то более свежие выводы, или, может быть, немудрящие выводы вызывают половодье чувств? Но как ни выжимай - "киса, ну еще сто грамм!", ничего киса больше не дает... А если вас глубоко волнует решение данных вечных вопросов, предлагаю вам на выбор - или прочитать школьную программу по литературе за девятый-десятый класс, или - томик пьес Чехова, или - если времени нет - одну пьесу Шекспира. Результат превзойдет ваши ожидания.

Но! Но есть еще набор изобразительных средств. Есть, извиняюсь, жанровое своеобразие. Может, здесь искать? Набор до обидного нехитр - монологи могут быть длинны до маловразумительного, диалоги порой напоминают ночной перебранх деревенских собак: ни от чего, поговорить хочется. Например.

Тося. Собака! Ишь! Да ты сама, если хочешь знать, собака! Поняла?! Собака, собака и есть!

Вера. Ага?

Тося. Ага!

Вера. Ага?

Тося. Ага!

Вера. Ясно, что ты и есть собака.

Тося. Нет, ты собака!

Вера. Ты собака.

Тося. Ты собака! - и так далее.

Мата, правда, много. Эх, сленг моей Родины! Эх, слова и словечки! Эх, сакральная лексика, острота отточенного слова! Правда, все мы слова эти знаем (плюс-минус на образование, воспитание и возраст). Не колядинская заслуга - эти слова, это заслуга моего великого народа. Читая "Полонез Огинского", кажется, мата так много оттого, что ничего более выразительного драматург просто не сумел придумать. Боюсь, никто не сумеет, не попробовать, попробовать-то надо!

И персонажи не сражают своеобразием, герои "Рогатки" вообще как-то по-нехорошему списаны с первых попавшихся прохожих: бомжа и комсомольца. Лица необщим выраженьем выделяются герои "Полонеза", но, кажется,

все в той же средней школе я что-то подобное уже встречала, чуть ли не в пьесе Горького "На дне".

С жанром все более или менее ясно. Многие вышли из шинели Людмилы Петрушевской и трудятся в русле "черной драматургии", где, как заметил наблюдательный человек, девушки все время беременны, мужчины пьют, а краны текут. Черная пьеса, как правило, заканчивается смертью, значительно лучше, если - многими смертями. В плане радикального сгущения черноты, мне кажется, всех обставил М. Волохов, в игре с мистической чернотой - Н. Садур, в умении подняться над чернухой и уйти, куда ходят лишь званые, - А. Шипенко. Н. Коляда остается с нами. Его чернуха, антуражированная розовыми чувствами, остается на почве земной. И никуда не уходит, - ни вправо, ни влево, ни вверх, ни, увы, даже вниз.

А литература и драматургия не исключение - вещь все-таки не сугубо почвенная и земная. Она провокационна. Она всегда от земли - куда-то. В том-то ее и смысл. На почве родной безотрывно трудятся другие. Например, журналисты. В чьих правдивых и беспристрастных материалах можно найти описание какой-нибудь чернухи с любым количеством смертей. А застойные журналисты, например, "Комсомолки" могли еще в душещипательные истории про алкоголиков ввести выводы: том, что все люди - это люди. И литературу это не называлось.

Еще можно говорить о том, что вся современная литература и вся драматургия постепенно лишается языка, слова как своего основного орудия и начинает экспериментировать. Никто не пишет по-шекспировски длинно и красиво. Но если красивое театральное слово заменили словом сугубо уличного-подвального, будьте добры придумать что-нибудь другое, чтобы мы не забыли, что это искусство. А то иначе от бедности вышеупомянутых выразительных средств на сценах засверкают, затарахтят и заискрятся стиральные машины, как главный символ воплотившегося в жизнь любовного желания. Как произошло в "Рогатке", поставленной Р. Виктюком. И вызовут краску невольной неловкости на щеках зрителя, обладающего каким-никаким вкусом и любовью к даровитому режиссеру и хорошему актеру (одному).

Оставшись в полном пролете со своими математическими изысканиями, наглотавшись чистой воды русского мата, хочется разразиться жалобным монологом: "Драматург Николай Коляда! Вас все-таки любят и ставят. И колья это уже - свершившийся факт, вы спокойно можете нас покинуть. И посетите какие-нибудь заоблачные дали, выси или низы, где водятся, по слухам, музы. А потом возвращайтесь в народ с новой пьесой. И пусть в ней будет хоть что-то, чего мы не знаем. Мы вас, ей-богу, не держим".

Но на случайном попавшемся в руки экземпляре "Полонеза Огинского" я читаю: на титуле - "г. Екатеринбург 1993", на последнем листе - "Февраль 1993 г. гор. Гамбург". То есть в каком-то смысле Н. Коляда нас все-таки покидает. Но без отрыва от почвы, без отрыва.

P. S. Если кто-то из режиссеров все-таки что-то впишет в несостоявшееся уравнение - буду премного благодарна. Все-таки есть многое на свете, друг Горацио, чего нельзя передать по ради. Может быть, что-то и упущено.

P. P. S. Ну, киса, ну еще сто грамм!

Лариса ВИННИК

05.94.

Коляда Николай